

[00:00:00] [Начало записи]

Наталья Малышева: Мы сегодня проводим круглый стол «Свобода. Солидарность. Справедливость. Развитие». Модераторы указаны у вас в программах. Михаил Илларионович Воейков – профессор, заведующий сектором политической экономики Института Экономики Российской академии наук. Меня зовут Наталья Александровна Малышева. Я – советник руководителя фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе и являюсь заместителем председателя Экспертного совета фракции. Михаил Илларионович делегировал мне право начать вступительное слово. Хотелось бы, прежде всего, обозначить актуальность темы и обозначить вопросы, которые хотелось бы обсудить на круглом столе. И, самое главное, рассказать о результате, к которому хотелось бы стремиться.

Сегодня мы всю первую половину дня слушали выступления наших экспертов, которые говорили о социально-экономическом положении в России и в мире. Поэтому нет смысла повторять все, что сегодня говорилось. Если суммировать в двух словах, после 2008 года, когда разразился мировой финансовый кризис, все эксперты заговорили о том, что пришел конец эпохи нерегулируемого капитализма. В последние годы, можно сказать, что в этом году после выборов Трампа, после брекзита, после общей нестабильности, которая стала все сильнее и сильнее разворачиваться, все заговорили о кризисе социально-политических систем.

Для того чтобы вписаться в этот поворот мировой истории... Сегодня мы слышали в каждом втором выступлении о том, что должна быть новая модель, другая модель, основанная на других механизмах. Собственно говоря, и все организаторы рассчитывают и надеются на то, что этот самый образ будущего, описание того, какими должны быть механизмы в этом новом будущем. Мы об этом будем говорить на круглых столах и услышим мнения друг друга об этом. Я считаю и думаю, что именно у России есть тот необходимый опыт, который нужен для того, чтобы эти новые модели работали в новых условиях. Поэтому хотелось услышать, прежде всего, эти предложения, описания сегодня здесь. Исходя из этого, вопросы, которые хотелось бы обсудить, – это справедливость как баланс интересов.

Мы все помним с вами, что конец Советского Союза в большой степени наступил из-за ощущения несправедливости, уравниловки. Поэтому мы понимаем, что справедливость – это не уравниловка, это баланс интересов. Что такое баланс интересов? Как он может быть достигнут? Какие механизмы, которые бы позволили этому балансу состояться. Прежде всего, государственный механизм – это налогообложение. Каким оно должно быть? Каковы перспективы других систем налогообложения. Эти механизмы должны обеспечить устранение этого опасного расслоения в обществе.

Если у кого-то будет желание поговорить о том, как достигнуть справедливости не только внутри общества, внутри страны, но как баланс интересов на международном уровне. Потому что эта несправедливость не только в распределении внутри страны, но и на международном плане. Это те вопросы, которые хотелось бы обсудить.

(00:05:11)

Теперь, что касается результата. Сегодня на пленарном заседании Оксана Дмитриева говорила о том, что она наблюдает дежавю, пятый раз проходит форум, и пятый раз все говорят о том, что плохо и что нужно было бы изменить, но ничего не меняется. Надо понимать, что форум – это не то место, где может что-то измениться. Форум нужен для того, чтобы встретились люди, обсудили, а дальше высказанные идеи как-то реализовывались. Учитывая, что я представляю Экспертный совет в Государственной Думе, у нас есть такая возможность. Обсудив здесь какие-то ключевые важные проблемы и придя к выводу, надеюсь, общей целесообразности внесения каких-то изменений, мы могли бы предложить корректировку законодательства, пути совершенствования законодательства, и учитывая право законодательной инициативы депутатов, внести изменения в закон. Поэтому я вас и призываю к тому, чтобы не просто рассуждать о путях совершенствования, но и по возможности сделать предложения по совершенствованию законодательства.

Я понимаю, что здесь слишком мало времени, чтобы прийти к каким-то итогам. У нас будет возможность при необходимости продолжить эти обсуждения в Государственной Думе. Передаю слово Михаилу Илларионовичу.

Михаил Воейков: Вопросы есть? Нет, значит, очень хорошо было все сказано, все понятно. Мы приступаем к обсуждению. Я предлагаю, так как не очень, ясно кто есть, с программой полная путаница, писать записки, кто хочет выступить. Я вижу, Бобков здесь, Занин здесь.

Наталья Малышева: Занина просили пораньше отпустить.

Михаил Воейков: Отлично, тогда Занин Валентин Петрович первый выступает в пределах десяти минут. Приготовиться Бобкову Вячеславу.

Валентин Занин: Дорогие коллеги, я бы хотел обратить внимание на очередную, тяжелую опасность, которую несут, в том числе, и обсуждения нашего форума. Высказывается большое количество позитивных, правильных предложений по усовершенствованию различных механизмов в стране. Как мы знаем, они практически не внедряются, но даже если бы они внедрялись, то наша ситуация с состоянием населения не улучшилась, к сожалению. Дело в том, что из советских времен вы знаете такой анекдот, когда сидят руководители в вагоне, кто-то говорит, что что-то происходит нехорошее, а тот говорит: «Давайте покачаем вагон». И решает проблему внутри вагона. В это время вагон так и катится, как России сейчас катится под уклон, и все участники этого движения берут, отрезают от себя, от живого мяса кусочки, как в сказке про Ивана Царевича, когда он

кормил орла, и отбрасывают во внешний мир. Потому что наша наука не очень четко сформулировала, во вред России сформулировала наши взаимоотношения с внешним миром. У нас существует несколько мифов, которые гарантируют нашу самоликвидацию. Я хочу сказать, что это мало кто знает, мало признает, не хотят признавать, что с 1992 года потеряли почти 40 миллионов человек коренного населения, которые жили на 1 января 1992 года на нашей территории. То, что нас сейчас 142 миллиона – там приезжих очень много. А те коренные исчезли по вине нашей экономической науки, которая провозгласила одним из самых важных показателей повышение конкурентоспособности. Я обозначу некоторые моменты, потом предложу решение как этого избежать. Повышение конкурентоспособности нашей индустрии при снижении курса рубля.

(00:10:07)

Все хвалят то, что нужно девальвировать рубль и тогда внешняя конкурентоспособность повысится. Да, это повысится конкурентоспособность отдельного предприятия. Да и то, не конкурентоспособность предприятия, а способность хозяина предприятия вывозить продукцию по ценам ниже себестоимости, потом получать за ввезенные доллары в 2-3 раза больше того, чем рубли стоят на самом деле – по мировым оценкам, не по моим. Сегодня рубль по оценкам Всемирного банка, Соединенных Штатов, Организации объединенных наций – это 25 рублей за доллар. А кто привез доллар, он получает 60 рублей. Поэтому он имеет возможность вывести продукцию наружу, а потом не заплатить смежникам из полученных больших денег, а заплатить немножко государству налог на большую новую прибыль и процентов 70 оставить себе.

Создается гигантский массив денег в руках отдельных людей. Вот сидит Бобков, он наверняка скажет, что 0,02% или 0,01% населения захватывает себе столько, сколько остальные 50%. Что с этими деньгами, что они делают с нашей страной? Когда тут говорят о коррупции и так далее, бесполезно говорить о ней. Чудовищный навес этих незаработанных денег, он ломает все.

Следующий миф о том, что увеличиваются бюджетные поступления. Более дикого соображения... И это внушается президенту нашими учеными, Центробанком и так далее. Можно увеличить бюджетные поступления, просто напечатать. Нужно увеличивать товарное наполнение внутреннего рынка страны. Когда существуют такие экономические мифы, которые способствуют неограниченному вывозу продукции и ограниченному ввозу сюда, вы должны знать, что внутренней рынок – это рынок производства плюс импорт, плюс запасы, минус новые запасы и минус экспорт. Если экспорт каждый год превышает импорт на 150-250 млрд долларов, то на такое количество все недоедают. Кто-то недодает насмерть, кто-то не доучивается и так далее, общий итог понятен.

Поэтому, как с этим бороться? Существует чудовищная выгода все вывозить. Вывозится все. Я думаю, что сегодня ни один из людей никогда не попробует вкуса нормального хлеба.

100% зерна I, II, III категории вывозится за рубеж. Мы все едим зерно с плевелами, со спорыньей и так далее. Остановить этот процесс методом призывов что-то улучшить, невозможно. Но на самом деле, можно, потому что этот механизм абсолютного обезресурсивания нашей страны придуман простейшим способом: нашу валюту меняют на доллары не по паритету покупательной способности. Все страны «золотого миллиарда» между собой торгуют и обменивают валюту на рынке Forex по паритету покупательной способности. Поэтому там не колыхнутся валюты три раза за одну ночь. Поэтому они там всегда знают, что если он отдал доллар сегодня за один франк, то он и послезавтра купит этот килограмм хлеба за этот франк. И они между собой борются, дают друг друга, но идет более или менее нормальное движение. У нас же, так как выгодно все вывозить, поэтому вывозится все.

Если мы этот дисбаланс, эту несправедливость наших отношений со всем миром не ликвидируем, то улучать пенсионную систему, уменьшать расслоение людей, повышать образование и так далее, – абсолютно бесполезно, мы все с вами исчезнем, все до одного человека через очень короткое время. Мы должны сбалансировать наши взаимоотношения. Внутри страны мы уже об этом договариваемся, должен быть баланс интересов. Менеджеров и силовиков, рабочих и так далее. Как-то нужно друг друга понимать. Если мы не решим этот внешний вопрос, каждый год 10% заработанного будет уходить во внешний мир абсолютно бесплатно, обратно мы не получаем ни одной сухой корочки. Импорт уже 25 лет меньше экспорта и по номиналу, и по полезности, а он должен быть всегда одинаковым. Нельзя отдавать больше.

(00:15:05)

Когда я бы донором, то мы сдавали кровь до 450 грамм, а потом без обеда тебя не отпускают и денег дают. Если будут тебя отпускать и денег не давать, ты обязательно вымрешь. Поэтому первый пункт – я привез решение, просил бы ознакомиться. Первый пункт и самый важный в нашей жизни сегодня, запретить Центральному банку покупать валюту дороже, чем по паритету покупательной способности. Он является покупателем 90% валюты. Он формирует цены, совершенно противоречащие мировой практике и ведущие к самоистощению России. Запретили банку, тогда часть экспорта пропадет, то, что пропадают совсем дешевле себестоимости, останется в стране. В стране будет больше ресурса, будет больше работы, и постепенно ситуация начнет выравниваться. Одновременно мы с вами по результатам этого форума будет отрабатывать вопросы и заработной платы, и оплаты различных категорий, и кредитные политики и так далее. И просматривается возможность добиться успеха.

Есть главный вопрос и есть вопросы второй категории. Главный вопрос – прекратить выброс из России самого полезного сделанного продукта. Спасибо. Я материалы принес, просьба посмотреть и как-то высказаться.

Михаил Воейков: Слово представляется Бобкову Вячеславу Николаевичу. Приготовиться Рудык Эмилю Николаевичу.

Вячеслав Бобков: Вячеслав Николаевич Бобков. Тут все мои регалии есть. Тему выступления я назвал так «Неадекватное социально-экономическое неравенство как базовая характеристика социальной несправедливости».

Россия находится среди стран с неадекватным уровнем социально-экономического неравенства. Здесь приведена таблица, которую сделал ОЭСР, где сопоставлены 20 стран с наиболее высокими уровнями экономики ВВП на душу населения. И как эти страны распределены по тому самому общепринятому в мире индикатору неравенства, который характеризует неравномерность распределения общего объема доходов, он называется коэффициент Джини.

Если обратить внимания на эту таблицу, то видим, что в России уровень неравенства, коэффициент Джини, он у нас намного больше, чем 0,4. Я надеюсь, что я профессиональной аудитории, если я буду объяснять что такое коэффициент Джини, это будет долгая история. У нас примерно 0,42 коэффициент Джини. Причем, здесь не конкретный год взят, это конец первого десятилетия нынешнего столетия. Средний, видимо, взят показатель 0,42. И вот валовой внутренний продукт по паритету покупательной способности.

Нас часто сравнивают с США. Действительно, среди стран европейских или так называемых развитых, у них действительно значительно более высокий уровень неравенства. Смотрите, какой они продукт делят. Если в одной и той же пропорции делить ресурсы, которые в три раза различаются, то останется в три раз больше ресурсов. Поэтому там считается бедным тот, у кого доля расходов на питание больше 30%, а в нашем прожиточном минимуме бедным считается тот, у кого доля расходов на питание выше 50%. Совершенно разная бедность, у нас гораздо более глубокая. Поэтому это неадекватное экономическое неравенство, по сравнению с размерами того ресурса, который является источником и роста, и источником дохода населения, сегодня у нас сложилось, и мы, видите, в какую группу стран попадаем.

(00:20:12)

За два с лишним года феноменально выросла доля населения с низким уровнем текущего потребления и социально-экономической дифференциации. Последняя превышает нормальный уровень, является избыточной, препятствует экономическому, демографическому росту, является источником высокой социальной напряженности в современной России.

Если кто-то думает, что у нас нет высокой социальной напряженности, тот ошибается. Сегодня могут мальчишку побить, вдруг выявляются у нас межнациональные отношения.

Это не межнациональные отношения – это повод для того, чтобы выразить то накопившееся недовольство, которое сегодня есть. Оно может быть выражено в связи с любым событием. Далее, социальная структура российского общества по уровню материально обеспеченности за 25 лет экономических реформ изменилась таким образом. Фактически у нас не было в Советском Союзе бедных. Это сопоставимый набор товаров и услуг по нынешнему прожиточному минимуму, причем, с учетом не только возможности денежных доходов, учтены и те общественные фонды потребления. Здесь не только денежные доходы, здесь все ресурсы, которые идут на потребление по ходу использования потребления.

Вы видите, у нас в пять раз выросла доля населения, которая имеет доходы ниже прожиточного уровня. В тоже время, у нас в Советском Союзе фактически не было такого слоя, который высоко обеспеченный. Я не буду вдаваться в методологию, есть методология Всероссийского центра уровня жизни, где мы разработаны систему потребительских бюджетов, которая определяет критерии границ перехода одного слоя в другой. Одиннадцать бюджетов прожиточных минимумов – это мы обосновали, что это по нашим российским меркам – открывать границу высокой обеспеченности, и эти границы здесь обозначены.

За эти 25 лет реформ слои низко обеспеченные, ниже среднего достатка, даже и средний слой, они изменились в ту сторону, что три слоя размылись в сторону резкого увеличения доли бедного населения и резко увеличения доли высоко обеспеченного населения. Причем, я здесь говорю здесь не о богатстве, я говорю только о доходах, использованных на потребление. Богатство – это другой критерий, это активы, которые по-другому используются. Поэтому мы не говорим здесь об имуществе, которое приходится на 1% населения.

У нас есть такие расценки международные, что 1% населения владеет 70% активов. Я говорю о доходах. В результате этого разрыва в доходах не по формальному критерию. Децильный коэффициент фондов, когда берется средний доход в верхней 10%-ной группы населения и сравнивается с доходом в нижней 10%-ной группе, это формальные группы. Мы говорим о группах, различающихся уровнем жизни. А качественно они различаются, зависит от того, либо они к бедным относятся, либо относятся к среднему слою, либо относятся к высоко обеспеченному слою. Если взять средний доход в группе с прожиточным уровнем ниже, средний доход в группе с доходом выше бюджета высокого достатка, то есть одиннадцать прожиточных минимумов и сравнить, то получается в 21,2 раза.

Наша официальная статистика дает децильный коэффициент фондов, формальный коэффициент – примерно в 16 раз. То есть фактически у нас неравенство по доходам, использованным на потребление в полтора раза выше, чем нам дает официальная

статистика. Соответственно, доля в фонде доходов, вот эти 2% населения, которые выше бюджета высокого достатка, имеют, аккумулируют у себя 10% общего объема денежных доходов. А почти 14% населения с доходом бюджета ниже прожиточного минимума аккумулируют 3% общего объема денежных доходов. Ничего нового я не говорю, я использую другой инструментарий для подтверждения цифрами тех качественных оценок, которые прозвучали.

(00:24:34)

Теперь политическая оценка моя того, как к этому всему относиться и что можно сделать. Я считаю, что было бы наивно верить в то, что государственная политика снижения этого социально-экономического неравенства как базового условия реализации социальной несправедливости будет выработана при нынешней состоянии политической, экономической и социальной системы. Не может она быть изменена. Что это значит? В политической системе процветает манипулирование общественным сознанием. Мимикрия, отстаивание интересов народа все ли без исключения звенья, у власти, начиная с Президента, заканчивая политическими партиями и всеми, кто влияет, и стремиться воздействовать на сознание людей.

В экономической системе процветает, причем я назвал так называемыми политическими партиями, несмотря на то, что сидит Наталья Александровна. Я симпатизирую политической партии «Справедливая Россия», я ее уважаю, но тоже считаю квазипартией, как и все другие. Коммунисты – это квазипартия. Это либо соглашательские лидеры, либо такая партийная масса, которая не может других лидеров выдвинуть. Либо такая платформа партии, которая не в состоянии отражать то название и соответствовать тем целям, которые они заявляют.

В экономической системе процветают олигархи и, как сегодня назвали, номенклатура. В этой политической, экономической системе, в обществе, социальной системе апатия сопровождается усилением глухого недовольства, которая периодически сопровождается локальными стихийными протестами. ВОЗ проводит сознательно политику сдерживания роста общественного самосознания. Не буду аргументировать это в образовании, в культуре, где угодно. Это сознательная политика роста сдерживания. Управлять людьми не подготовленными, темными, не понимающими – гораздо легче, чем управлять людьми просвещенными. Поэтому зачем людей просвещать? И наращивание одновременно репрессивного аппарата для защиты для защиты своих эгоистических интересов.

Чтобы разорвать эту цепь, я вижу два пути. Первый – просвещение. Второй – смена лидеров. Я не вижу другого пути. Два параллельных процесса, если удастся ими управлять, то можно изменить ситуацию к лучшему путем реформирования. Если этими процессами не удастся управлять, то возобладают стихийные формы и другие формы смены экономической, политической, социальной системы. Поэтому вопрос о том, удастся ли

управляемое глубокое, как говорил Бузгалин, реформирование наших сложившихся институтов экономической, политической и социальной системы. Или же, как у него было дальше, социальная революция, я его оставляю открытым, думаю, может быть и то и то. Спасибо.

Михаил Воейков: Вы сорвали аплодисменты. Спасибо. Прежде чем дать слово Эмилю Рудыку, я бы хотел добавить профессору Бобкову, что на счет бедственного положения России и то, что официальная статистика – это не то, что не показывает, а просто откровенно скрывает. Мы в Институте экономики неравенство считали, смотрели по потреблению калорийности питания. По официальным данным калорийности питания 45% населения просто недоедает. Галина Анисимова, сотрудник Института экономики могла бы сделать доклад, но, к сожалению, в последнем варианте программы почему-то нет этого доклада, но может быть, в печатном виде будет.

Михаил Воейков: Профессор Рудык Эмиль Николаевич. Институт Дубна, «Природа. Человек и общество».

Эмиль Рудык: Государство.

Михаил Воейков: Государство. Следующий – Колесникова Галина Ивановна

Эмиль Рудык: Мне не надо делать вывод. У нас с вами вывод с точки зрения реализации предложений 99%, спасибо вам. Тема моего выступления «Социальные предприятия, как обязательная составная часть альтернативных стратегий развития России». Мы подготовили с моим постоянным соавтором профессором Бокаревым Виктором Вениаминовичем. Мы исследовали эту проблематику не только в плане теоретическом, но и анализируя опыт работы социальных предприятий в Европе. И флагмана социального предприятия МНТК «Микрохирургия глаза» в тот период, когда им руководил академик Федоров.

(00:29:50)

Начнем с того, что реализация подавляющего большинства альтернативных программ, включая ту программу, которая сегодня была представлена у нас на форуме, она исходит из того, что можно реализовать те цели, которая она ставит в рамках рыночной экономики, это первое. Ничего нового я не скажу. Упование на рынок, который может все решить, это уже показало свою неправомерность. Кроме того, как справедливо неоднократно утверждал профессор Воейков, рынок, в принципе, не нацелен на решение социальных проблем. И естественно, что в мире в этих условиях получает развитие, и идет оно достаточно поступательно, развитие третьего типа экономики, так называемой социальной экономики. Его фундамент составляют социальные предприятия.

Я когда буду давать характеристику, основанную на определениях, принятых в Европе, потому что есть американское определение, там не только социальные предприятия, но и

все те чисто прибыльные предприятия, которые в той или иной степени учитывают какие-то потребности социума. На что мне хотелось бы обратить ваше внимание, что основой социального предприятия, оно может использовать как собственный, так и заемный капитал. И важнейшей характеристикой социального предприятия является следующее, во-первых, они не нацелены на извлечение прибыли как главной цели, а целью является удовлетворение потребности как внешнего, так и внутреннего социума. Во-вторых, соответственно, они не распределяют полученную прибыль, даже между самими работниками, она идет только на цели, ради которых предприятие создано.

В некоторых странах, например, во Франции некоторую часть прибыли можно распределять между работниками, но подавляющее большинство этой прибыли идет также на удовлетворение потребности уже внешнего социума. В-третьих, данная категория предприятий основана на участии работников данных предприятий в управлении им в различных формах. В условиях, когда сегодняшнее производство, я не беру наше производство, это отдельное, тут плач будет. Если на Западе тоже есть проблемы, но тот тип экономики и тот уклад технологический, который есть на Западе, требует нового типа работника, обладающего тремя качествами. Не только высоким профессионализмом, не только способностью к творчеству, но, извините, обладающего высокой трудовой и человеческой этикой. В этих условиях становится понятна та демократическая система, которая есть у принятия решений на этих предприятиях.

Еще что мне хотелось сказать. Формы организационно-правовые. У нас же, забегаю вперед, весь массив государственных и муниципальных предприятий загнан в категорию коммерческих, прибыльных. Извините, мировая практика делит все государственные предприятия на две большие группы. Те, которые работают в рынке – это прибыльные предприятия. И часть государственного сектора, которые задачи различного рода социальные, они не прибыльные. Во-вторых, кооперативы. Все говорят: надо кланяться мировому опыту, быть как цивилизованные страны. Но мы загнали весь массив производственных кооперативов в категорию прибыльных.

В мире 90% производственных кооперативов – не прибыльные. Они поэтому и пользуются льготами со стороны органов власти и прочая, прочая, потому что не прибыльные. А 10% дано право выбирать, быть прибыльными или не прибыльными. Сюда можно отнести и так называемые социальные кооперативы, которые нацелены на удовлетворении потребностей граждан какой-то территории. Это может быть и не прибыльное частное предприятие. Это может быть и организация самопомощи граждан. В наших условиях, когда много населения, особенно на Севере, брошено в иных местах, это форма спасения. Просто средство выживания.

Что мне хотелось сказать, если брать нашу страну, не только мешают те факторы, которые я назвал, созданию социальных предприятий, но давайте говорить прямо. Сегодня

отмечались пороки социального государства у нас, трудности. Давайте говорить честно, у нас есть запись конституционная, но это только запись. Реально ведь реализуется другая модель субсидиарного государства, в которой государство вместе с институтами частной инициативы, помощи оказывает помощь самым обездоленным слоям населения.

(00:35:12)

Я вам одну цифру хотел привести. Например, продуктовая корзина в городе Сыктывкаре, знаете, сколько оценивается? Сто рублей. Собак в приюте кормить – 200 рублей. Заключенному – 250 рублей. Вот это реальность того социального государства, которое мы сегодня имеем. Они действительно говорят социальное, они спорили, говорили о субсидиарном. Самое интересное, в социальном государстве говорят, что денег не хватает. Давайте говорить так, конечно, связь есть между функциями исполнением социальным государством и финансовыми возможностями. Но Куба – это социальное государство? Республика Беларусь – социальное государство? Денежные возможности значительно скромнее, чем в России по причинам, здесь тоже профессор Бобков объяснил, кто у нас заправляет балом.

Если еще коротко, что мне хотелось сказать. Я уже не буду говорить, архаичная система принятия управленческих решений. Вы знаете, авторитарный стиль, была попытка провести в Госдуме закон об участии работников управления, носит концептуативный характер, формальный характер. Вы знаете, мне пришлось быть руководителем научной группы там, его заблокировали, и потом вышел небольшой такой олигарх, депутат. И он в частной беседе сказал: «Эмиль Николаевич, мы же понимаем что это надо, но только не сейчас, давайте попозже. Мы только что превратились из Муравьевых, которых вешают, в Муравьевых, которые вешают, вы хотите нас ограничить?» Честно было, по-крайней мере.

Столь же понятно, что у нас нет такой категории, есть только, даже там не присутствует в региональных документах, – это организации, занимающиеся благотворительностью, не больше и не меньше. Кроме того, на что мне еще хотелось бы обратить внимание. Что надо делать? Я не буду повторять выбор, что если при этой системе координат то, что я буду говорить, оно нереализуемо, то, что говорил профессор Бобков, вы мне сэкономили несколько секунд. Это, прежде всего, самоопределить понятие социальное предприятие. Затем, это создание социальных предприятий в различных сферах жизни, в ЖКХ еще как надо, даже более того.

Я смотрю во Франции Electricite de France – это социальное предприятие, оно продает электроэнергию предприятиям, гражданам по не рыночным ценам, порой ниже себестоимости. Это то, что у нас в советское время называлось плано-убыточное предприятие. Скажите, по технологической цепочке оно сокращает затраты всех производителей? Содействует повышению конкурентоспособности всех? Сейчас

действительно все стонут от тех тарифов, от того, от того. Это тоже вопрос о создании в этой сфере предприятий подобного рода, типа.

Дальше, когда мы говорим: это демократизация принятия решений, это открытый менеджмент. Вы знаете, у нас все предприятия фактически закрыты? Это тема отдельного разговора. Это долговременный наем работников, конечно, интересно работника максимально сближать с интересами организации. Когда он знает, что его до пенсии нельзя уволить, только если предприятие сохранится. Он понимает, что оно может сохраниться, если только будут работники соответствующим образом работать. Не буду об этом говорить, у меня минута буквально остается.

Что еще мне хотелось сказать, введение вилки оплаты труда, конечно, то, что вы говорили. Ведь когда мы были на Санкт-Петербургском форуме, все отмечали, сколько получают ректора провинциальных вузов. Свыше миллиона рублей в месяц, при том, что доценты – 12-14 тысяч. Как может решаться весь блок социальных проблем в подобных условиях? И последнее, я к чему призываю. Все-таки проблема отдельная планирование и прочие. Упование на рынок, так, что мы стали святее Римского папы в этом вопросе, до добра не доведет. Он должен быть ограничен, целая сфера, образование, здравоохранение должны быть вне сферы рынка – это общественное благо. Все.

(00:40:27)

Галина Колесникова: Спасибо. Колесникова Галина Ивановна, доктор философских наук, профессор, Таганрогский институт управления экономики. Как вы видите, тема моего доклада: «Социальная политика России. Концепция развития личности в XXI веке». Я абсолютно солидарна с предшествующими докладчиками, потому что без личности нет будущего у страны.

При существующем положении вещей – почему-то забыли или помнят, но не делают, что основной ресурс государства – это, прежде всего, человеческий ресурс. В связи с этим, на мой взгляд, следует обратить особый взгляд на изучение достижений в области советского периода, когда развитию гармонической личности уделялось очень много внимания. В частности, высшая цель того времени определялась, декларировалась как гармоническое и всесторонне развитие человека. В Институте человека исследовались возможные методы воспитания такого идеального человека и предпосылкой формирования нового человека определяли развитие творческой активности каждого, с которой неразрывно связывали формирование чувства социально и моральной ответственности.

В современном российском обществе идея гармоничного человека, как конечного результата целенаправленного воздействия, как совокупность определенных личностных качеств в высшей точке их развития, должна быть возрождена, если мы хотим великого будущего для своей отчизны. Для этого должен быть системный подход, направленный на создание благоприятных условий развития личности, который учитывал бы

психосоциальные, психофизические особенности на всех возрастных этапах ее формирования и включающих все уровни: интеллектуальные, эстетические, фактические. Только при таких условиях возможно воспитания гармонически развитой личности. Заботу о главном ресурсе государства должна быть закреплена идеологически и должна быть выражена в национальной идее.

Сегодня уже не раз указывали на этот парадокс, что принимаются решения, но национальной идеи, то есть концептуальной идеи, исходя из которой принимались бы эти решения, которая бы выступала мерилем, критерием их оценки, у нас нет. На слайде представлены наиболее гуманные национальные идеи, которые предлагались в свое время. Это «Самодержавие. Православие. Народность» графа Уварова, «Сбережения населения» графа Шувалова, «Сохранение населения», впоследствии модернизированная Солженицыным.

По-моему мнению, национальная идея должна соединять в себе три вещи: единство государственного устройства, единство веры и идеологии и народа. И отвечать, прежде всего, на один вопрос, в чем состоит цель государства. Таким образом, национальная идея должна быть сформулирована следующим образом, сохранение и совершенствование нации. Однако любая самая прекрасная идея останется формулой, если она не имеет четкой стратегии, не обеспечена нормативными актами и экономическими ресурсами. А именно, возврат науки, образования, здравоохранения и культуры на полное государственное обеспечение. Это три кита, на которых стоит любое государство, в принципе не могут быть доходными, тем более квалифицироваться как сферы услуг. Поскольку, во-первых, это долгосрочное вложение, во-вторых, это основа национальной безопасности.

Во-вторых, восстановление системы взаимодействия училища-техникумы-вузы. В современной реальности возникает тенденция к созданию СПО на базе вузов. Это гибрид, который разрушает саму идею высшего образования. Далее, введение нравственной цензуры, подчеркиваю, нравственной. Восстановление и восстановление кружковой деятельности за счет бюджетных средств. Восстановление и развитие за счет бюджетных средств профилакториев и санаториев для детей дошкольного и школьного возраста. По данным государственного ежегодного доклада, положение детей в Российской Федерации. За последние годы наметились негативные тенденции показателей здоровья детской популяции. 14% детей практически здоровы, 50% имеют отклонения в состоянии здоровья, 35% хронически больны. Уже в дошкольном возрасте у 15-20% детей определяется хроническая патология. И доля таких детей среди школьников увеличивается до 40-45 %.

(00:45:06)

И шестой пункт – это семейно-ориентированная социальная политика. Это положение я достаточно подробно раскрывала в докладе на СПЭК-2017 «Социальная политика России. Концепция развития личности в современной семье». На этой я не буду останавливаться. Только последовательная реализация на всех уровнях данной национальной идеи позволит создать достойное настоящее и великое будущее нашей страны.

Соответственно, выводы по докладу, это, во-первых, определение и закрепление на законодательном идеологическом уровне национальной идеи centered на благополучии отдельной личности. Поскольку основная задача выборной власти – это благополучие отечества. Отечество – это, прежде всего, народ, который состоит из отдельных, конкретных людей и как вариант я предлагаю сохранение и совершенствование нации. Второе, это решение вопросов сквозь призму данной именно идеи, потому что слова о бездействии – это только слова. Все определяется тем, мы хотим поговорить об этом или мы хотим реально что-то изменить. И реализация стратегии развития личности. Благодарю за внимание. Спасибо.

Михаил Воейков: Спасибо, слово Аристовой Марине Владимировне. Приготовиться: Абрамович Александр Борисович.

Марина Аристова: Я благодарю Наталью Александровну и Михаила Илларионовича за предоставленное слово. Я – Аристова Марина Владимировна, кандидат технических наук в области информационных технологий и доктор философских наук. Я пришла на эту секцию заинтригованная, словом свобода. Я буду говорить сначала о вещах достаточно известных, поскольку всем известно, что мы вступили, по классификации было видно, в постиндустриальное общество. И первые два до индустриальных общества отличались тем, что продукты труда человека позволяли ему жить лучше, а третье, постиндустриальное общество качественно отличается.

Во-первых, сам процесс производства стал фактически непрерывным. В качестве среды и ресурсов мы используем информацию и знания. При этом возникла серьезная опасность, что продукты этого производства не только вступают в контакт с производителем, но что самое страшное, воздействуют на него. Эта мысль пришла в голову на ранней стадии возникновения науки кибернетики. И, собственно говоря, один из основоположников Тьюринг, он даже в связи с этой очень серьезной философской проблемой покончил с собой.

Я буду говорить о двух моментах сейчас. Я буду говорить об интернете, и буду говорить о биомедицинских технологиях. Что касается интернета, то в 1990 году все мы с радостью его воспринимали как некий кладезь знаний, множество данных, которые помогают нам в работе. Затем интернет в 2000-е годы опять порадовал нас тем, что установилась система коммуникации в социальных сетях. И, наконец, в 2010-е годы интернет все больше и

больше беспокоит нас и многими почитается за зло. Мы видим это и в прессе, и при обсуждении.

(00:49:26)

Что же произошло? На самом деле это произошло от смены фильтров доступа к файлам. Если на первой стадии выборки этих файлов управляли браузеры и устанавливался некий человеческий контакт с тем, что мы называем информацией и знанием. В 2000-е годы уже фильтрами становятся так называемая френдлента, или лента знакомая нам в Facebook, которая позволяет нам моментально устанавливать контакт с интересующим нас лицом, который записан таковым в Facebook. И, наконец, это межлический контакт, который позволил установить интернет, он сменился сейчас неким фильтром, который управляется алгоритмом системы. Система уже следит за нашим интересом, что самое страшное, и она поставляет нам информацию, которая якобы нас интересуется.

Интересный опыт был произведен в Соединенных Штатах, когда два пользователя интернета, соединенные в Facebook, это лица, которые были заинтересованы друг в друге. Их попросили задать в интернете один и тот же вопрос про Египет, одному система выдала перечень отелей и мест достопримечательностей Египта. Очевидно, его интересовала история страны и Египет как объект страны путешествия. А второму выдала список террористических организаций и ситуацию, которая в стране. Значит, этот человек больше интересовался своей безопасностью. Обращаю внимание, вопрос был сформулирован и одним, и другим совершенно одинаково, находились они в совершенно разных штатах США. Следовательно, именно этот уровень фильтрации носит уровень робототехнический, потому что на самом деле его формирует сама система.

Итак, эту вещь почему я связала со свободой? Она делает нас отчасти не свободными. То есть продукты труда начинают воздействовать и руководить нами. Вторым моментом являются биомедицинские технологии, которые сейчас очень широко используются. Их можно поделить на два класса. Это расширяющие и те, которые компенсируют утраченную функцию. Это вещь полезная, все мы знаем, масса людей живет со вставленными шарнирами, органами именно не биологического происхождения.

Насчет расширяющих, такой смешной пример. Человеку, нам всем по жизни не хватает третьей руки, поэтому может внедрить вот такую механическую руку и нам будет легче жить на этом свете. Кажется, что это смешно, но на самом деле нет. Уже появилось в мире биохакеров, есть они и в нашей стране, которые согласны внедрить некоторые дополнительные органы расширительные в свое тело и что самое главное в свой мозг. И это делает уже очень сомнительным существование такого объекта. Кто он есть, человек или нет? Самое страшное в этом, что эти внедренные программы и органы позволяют управлять этим человеком. И извне можно отключить человеческую функцию, которая была внедрена.

Мне, например, известен такой случай, что даже в Москве есть такой человек, который попросил внедрить себе проездную карточку в транспорте, чтобы не искать ее каждый раз. Он ее прикладывает и проходит. Это, конечно, операция запрещенная, но она была ему сделана в каком-то тату салоне. Он добровольно стал таким биокиборгом, потому что на самом деле никакой такой функции природа не предусматривает.

Опять возвращаюсь к свободе, хочу сказать. На самом деле воздействие всех этих новых технологий, компьютеров и прочих гаджетов достаточно сильное и мы часто не осознаем, насколько они закабаляют нас, превращаются в манию. Когда мы говорим сейчас о таких угрозах нашей безопасности, мы пока еще не хотим замечать, что может быть, эта безопасность подвергается опасности не только субъектами биологически на нас похожими, но уже и субъектами, которые можно назвать постчеловеком, постчеловечеством. Я закончила.

(00:55:31)

Александр Абрамович: Абрамович Александр Борисович, движение «Новые левые» с недавних пор, партия «Коммунисты России», после выборов также в какой-то мере преподаватель политологии, конституционного права. Я хотел, отталкиваясь от того, что говорили предыдущие, особенно первые докладчики. Все сошлись на том, что необходимо менять систему в рамках существующей системы добиться справедливости, реализации других ценностей, с которыми согласны все или почти все собравшиеся в этой аудитории, невозможно. Я хотел предложить свое видение и форма, содержание как это можно сделать. Хотя, нетрудно предвидеть скептицизм, как обычно скажут, что ничего не получится.

По форме. На мой взгляд, изменение системы естественно фиксируется конституцией, прежде всего. В рамках существующей конституции, которая была народом на референдуме 12 декабря 1993 года отвергнута, если подводить его итоги, по закону, а не по указу, который Ельцин даже не удосужился отменить. Он был отменен только в 1995 году, под ним стоит подпись самого Ельцина, не говоря уже о самом государственном незаконном перевороте кровавом, незаконности референдума, что не являлось компетенцией президента. И так далее, это уже мелочи.

Можно не обращать внимания, 50% от общего числа для конституционных изменений тогда надо было, реально было 31% по официальным данным, не учитывая фальсификацию и всего прочего. Это формальная сторона. Говорят, что она многократно легитимизирована всевозможными выборами и последующим развитием событий лучше, чем у большинства наших соседей. Однако в рамках этой системы принципиально изменить, на мой взгляд, все-таки невозможно, начиная с частной собственности на землю, сугубо декларативного провозглашения социального государства и наличия всех механизмов, которые подрывают эту социальность в реальности.

Как можно изменить систему в нужном направлении, то есть в интересах общественного блага? Если это будет делать нынешняя элита, то скорее не сложно предположить, что изменения будут в худшую сторону с точки зрения интересов рядового гражданина. Стало быть, это может быть только по инициативе снизу, условно говоря, от нас с вами, наших потенциальных единомышленников из любых сфер деятельности, как научной, так и практической. Единственный способ, если не брать такие запредельные сценарии, как всеобщее вооруженное восстание в ядерной стране или некие заговоры супер-хакеров, которые все блокируют, что, скорее всего, может привести к экологической катастрофе, чем к прогрессивному изменению системы. Не говоря про такие варианты, как Майдан, который приводит к нацистской диктатуре.

Единственный способ в рамках закона осуществить качественное изменение системы – это референдум. Закон есть, он очень бюрократический, тяжелый по процедуре, но он возможен. Даже самый трудный для реализации закон, в рамках его нечто организовать легче, чем идти против всех законов. В любой реке проще плыть по течению, чем против течения. Это о форме, дальше детализировать не буду, нет времени.

Теперь о содержании, какой должен быть проект, сначала несколько слов о теоретической основе.

(01:00:03)

Тут наверно большинство марксисты или люди левых взглядов. Даже в самой терминологии классического марксизма, на мой взгляд, недостаточно для характеристики того, что происходит в современных обществах, как у нас, так и вообще в мире. Как общественно-экономическая формация вообще практически в любой стране мира – капитализм. Сейчас сказать это – все равно, что ничего не сказать. А 100 лет назад что было? Как раз 100-летие революции. Тоже за 100 лет ничего не изменилось? Хотя совершенно очевидно, что революционные изменения практически во всех сферах, в том числе, в марксистской логике. Если изменились производственные отношения, сам объективный базис, в том числе, за счет интернета и всех прочих современных достижений космоса, мирного и не мирного атома, абсолютно другой роли экологии в жизни общества и т.д., то на уровне теоретического осмысления, какие формации, какие преобразования происходят, на пути от чего к чему мы находимся, явный наблюдается вакуум. Сказать, что мы застряли где-то посередине между капитализмом и социализмом тоже, мягко говоря, недостаточно. Слишком долго застреваем, все вокруг меняется, а вот эта оценка за 100 лет, получается, и не изменилась.

Можно, конечно, псевдо-термины «недоразвитый», 1 стадия, 2 стадия, еще как-то, но это, на мой взгляд, сути дела не проясняет. У меня личная скромная попытка внести вклад в это дело, как ни странно, через теорию гражданского общества. Дам несколько дефиниций. Под гражданским обществом я понимаю совокупность добровольных, открытых,

осознанных, устойчивых отношений между личностями. То есть пять критериев гражданского общества. И еще одно понятие – формационное гражданское общество. То есть если добавить к термину «гражданское общество» название той или иной сферы жизнедеятельности, скажем, экономическое гражданское общество. Под этим я подразумеваю то, что основные экономические отношения в данном обществе отвечают этим пяти критериям гражданского общества, которые были в только что указанной дефиниции.

Соответственно, навскидку нет или, в основном, нет эксплуатации при экономических отношениях, если исходить из того, что все добровольно, осознанно. Кто же хочет принципиально, чтобы его эксплуатировали непременно? Так и в любой другой. Социальное гражданское общество. Экологическое гражданское общество и т.д.

Соответственно, можно, если уж совсем нескромно, попытаться это назвать многомерным марксизмом. Под размерностью имея в виду число сфер жизнедеятельности, которые, в принципе, могут быть в базисе. То есть гипотеза такая, что базис – это не обязательно экономика и только экономика, а вопрос переменный. То есть зависит от того, какая сфера жизнедеятельности усиливает свое влияние в данном конкретном обществе в данное время, та в базисе. Которая ослабевает – та в данный момент в данном обществе в надстройке.

Таким образом, формаций становится много, они как бы многомерны. Можно говорить, что в каком-то направлении достигнут прогресс. Научное гражданское общество, скажем, – научные дискуссии достаточно открыты, смелы и т.д. А вот с экономическим, социальным, экологическим гражданским обществом очень большие проблемы. У нас. В других странах могут быть несколько иные приоритеты. То есть сама терминологически-понятийная система становится более гибкой. Можно описывать более тонкие механизмы того, что происходит, в том числе, и регрессии.

(01:05:03)

Например, провал в нацизм, как в классический (Германия 33-го года), так и то, что в значительной мере происходит, к сожалению, сейчас на Украине.

Теперь о содержании, собственно, проекта основного закона, который отвечал вот этому теоретическому посылу. Тут очень много совпадает с тем, что говорили, и даже источники ссылались на опыт Федорова. Я приведу пример Чартаева. На мой взгляд, более развитой системы, которая пересекается с Федоровым в основном пункте. В экономической части модели Чартаева каждый человек – собственник результатов своего труда. Причем, как юридическая, буквально бухгалтерская норма, а не абстрактный лозунг на первомайской демонстрации. Все природные ресурсы, строго говоря, вся бывшая общенародная собственность с точки зрения Конституции СССР сдается в аренду, и весь доход хозяйствующего субъекта поступает разным долевым образом каждому гражданину. То

есть безусловный доход, то, что пытались, но не смогли на референдуме швейцарцы. Но не из бюджета автоматом фиксированную сумму, а по реальному экономическому механизму в зависимости от того, как происходят дела.

Решения принимаются коллективом. То есть, нет понятия предприниматель и наемный работник, а есть только работник и инвестор. Инвесторы вправе получать доход, если инвестировали, но не вправе командовать людьми. Все управленческие решения в рамках договора с инвесторами и обеспечение их законных прав принимают только работники. Ну, и так далее, такого же рода положения, достаточно радикальные, в социальной и экологической и других сферах. Вот такой я пытаюсь предложить проект. И предлагаю всем присутствующим, кто разделяет данные, условно говоря, левые социалистические ценности, всем вместе попытаться его теперь уже по формальным юридическим основаниям после президентских выборов только станет возможным реализовать. До президентских выборов можно провести только первый этап, одно собрание в одном субъекте федерации 100 человек. После чего получить официальную реакцию Центризберкома, ну, фактически, высшей власти. Будем реально смотреть на ситуацию. Считают они это противоречащим Конституции Федерального конституционного закона, то есть пропускает ли власть возможность такого референдума или нет. А после уже можно будет. Если хотя бы один вопрос будет пропущен, так сказать, в кавычках. Дальше в любом субъекте федерации после окончания президентских выборов можно смело его инициировать. И уже придирик по содержанию вопроса быть не может.

Спасибо за внимание.

Лариса Никитина: Я представляю Воронежский государственный университет. Я – профессор кафедры экономики и управления организациями. Продолжая разговоры профессора Бобкова и профессора Рудык, говоря о неравенстве, социальных предприятиях, социальном предпринимательстве, хочу немножечко акцент сместить в практическую плоскость и поговорить все-таки об инструментах или механизмах, которые могут все-таки это неравенство сгладить в какой-то степени.

Я хочу поговорить о социальной ответственности бизнеса. Это сфера моих научных интересов. И сегодня мы как-то этот вопрос, наверное, незаслуженно обошли своим вниманием. Ведь мы сегодня работаем в условиях трех секторов экономики, интересы и потребности которых совершенно отличаются. Мы проводили многочисленные опросы по инициаторам социальных проектов в своем регионе. И мы специально разделили их на различные институциональные группы. То есть опрос, понятно, шел по одному гайду. Но представители государственной власти, представители бизнеса, инициаторы социальных проектов, понятно, представители НКО. И, конечно, мы столкнулись с совершенно ужасающей ситуацией, что нет взаимодействия между этими секторами. И если бизнес выделяет деньги на социальный проект, то он хочет только контролировать сам этот

процесс. Государство говорит бизнесу: дайте денег и не вмешивайтесь в этот процесс. И так далее.

(01:10:00)

Дальше возникает вопрос о том, а что вообще считать социальной ответственностью и кто должен формировать запрос. Ведь нельзя просто сказать: будьте социально ответственными. Почему? Чем мне это выгодно? Бизнесмены всегда говорят: покажите мне эту морковку, которая заставит меня быть ответственным. Опять же, мы проводили опросы по поводу уже теперь представителей бизнес структур, что они считают социальной ответственностью. И здесь тоже противоречие перед теми декларациями, которые они заявляют в своих анкетных ответах и той практической деятельностью и практическими проектами, которые они реализуют на своем предприятии.

И все-таки я возвращаюсь, наверное, к главной проблеме о том, а кто должен сформировать этот запрос на социально ответственное поведение бизнеса. Прежде, наверное, нужно разобраться с тем, а что понимать под социальной ответственностью. Вот разные точки зрения. Если классический взгляд Чикерелла мы можем говорить. Он разбивает это, как пирамиду Маслоу по слоям, начиная от экономической ответственности, как главной функции бизнеса, через правовую, этическую и филантропическую. Но здесь мы уже можем сказать о противоречиях. Экономика и филантропия противостоят друг другу. Или мы говорим об этике и праве, как тоже разные способы институализации тех норм и положений.

На мой взгляд, сфера ответственности может быть структурирована по, кстати говоря, марксистскому устройству общества. Это, скажем так, производительные силы и ответственность тогда в материально-вещественных активах предприятия. Сюда войдет тогда и вопросы промышленной безопасности, инновационного развития и так далее. Не буду много вашего времени занимать. Если будет интересно, я расскажу о такой своей концепции.

Если дальше следовать марксистской идеологии, то мы будем говорить об общественных производственных отношениях, и тогда возникает ответственность в организационно-экономической сфере. И здесь вопросы: и цена-качество продукции, и налоги, и деловое партнерство с контрагентами, с потребителями и так далее. И эта ответственность, надстройка (то, что у Маркса) – это ответственность в непроизводственной сфере. То, что предприятия делают во внешней среде и не связано, может быть, с его основной деятельностью. Ну, косвенно связано. Это его участие в различных ассоциациях, это прозрачность его деятельности, раскрытие информации и т.д.

Но, на самом деле, есть прекрасный уже стандарт ИСО 26000 «Руководство по социальной ответственности», который прекрасное определение дает. Это ответственность за ту деятельность и последствия вашей деятельности в бизнесе. То есть это не вопрос какой-то

благотворительности, еще раз подчеркиваю. Это очень распространенное, кстати, заблуждение, в том числе и самого бизнеса, который позиционирует себя, что социальная ответственность моя: вот я оказываю благотворительные пожертвования в детский дом и так далее. То есть это, конечно, его стратегия, это его каждодневная деятельность.

Второй момент, когда мы определились, что мы хотим, какой запрос сформировать для бизнеса. Второй момент – это: а как это формируется на предприятии, как это должно происходить. И здесь мы, прежде всего, сталкиваемся с дилеммой – это взаимодействие акционеров и менеджеров. Кто из них должен сформировать этот посыл. Если мы говорим, что управленец ответственен за все, но тогда есть прекрасная концепция сказать: кто занимается социальной ответственностью, тот ворует деньги акционеров. Поэтому, конечно, первоначальные собственники, учредители, акционеры должны сформировать этот запрос.

И третий момент. Как говорить и как тогда дифференцировать: вот это предприятие социально ответственное, а вот это нет? И вопрос оценки результативности этих социальных действий предприятия. Когда мы оцениваем, мы говорим о том, что мы как-то достигаем или не достигаем определенных стандартов. Вот огромное количество стандартов сейчас уже существует в этой сфере. Как международные, так и национальные. И то, что делает Российский союз предпринимателей и промышленников и Торгово-промышленная палата, выпуская свои стандарты, свое руководство, в том числе, и по социальной отчетности. Но, опять же, все эти руководства достаточно сложны. И чтобы обычный потребитель мог сказать, интерпретировать полученные результаты. Там очень мало каких-то количественных измерителей. И второй момент – нам нужна шкала, чтобы мог сказать простой, не ученый, не какой-то эксперт, – что же происходит на самом деле на предприятии, насколько оно социально ответственное.

(01:14:51)

Вот такой круг вопросов в настоящий момент обсуждается. Но а какой же выход? Опять же, возвращаясь к вопросам: кто может все-таки сформировать этот запрос. И я здесь хочу продолжить мысль, красную нить нашего форума – это все-таки просвещение. И недаром даже в стандарты образовательные для менеджеров в качестве образовательной дисциплины введена дисциплина «Корпоративная и социальная ответственность». То есть мы должны начинать учить будущих руководителей, если не со школы, то хотя бы уже с университетских аудиторий. Очень много тоже я сталкиваюсь в своей практической деятельности – много неприятия. Потому что доминирует в настоящий момент такая позиция фридмановская: бизнес есть бизнес. Я плачу налоги и все. Но мы же сталкиваемся и с тем, что не все налоги-то платят. Но поэтому вот такой момент.

И я хочу сказать еще одну вещь, что именно научно-образовательный комплекс, как интегратор вот этих разнородных подсистем общественных: государственный сектор,

бизнес-сектор, НКО. Именно научно-образовательный комплекс может быть интегратором этих подсистем. Во многих ли стратегиях региональных или государственных вопросов социальной ответственности бизнеса прослеживается? Нет. А что же мы хотим? Поэтому вот этот вот общественный запрос должен сначала сформироваться среди населения на ответственность бизнес-структур. Я настаиваю и являюсь приверженцем этой линии, что ни государство здесь ничего не может сделать. Если все-таки в нашей экономике присутствует и рыночный и государственный механизмы, то все-таки первоначально запрос, потребительский запрос, он должен сформироваться. Наверное, можем свой вклад в это сделать. Спасибо за внимание.

(Вопрос из зала.)

Лариса Никитина: Я могу сказать: множество стандартов. А стандартов оценки – 68. Вот мы лично с моим аспирантом 68 методик оценки изучали. И предложили свою 69-ю.

Михаил Войсков: Социальная ответственность в бизнесе – вещь хорошая, и Лариса Михайловна очень хорошо нам все это сказала. Но, а для чего тогда государство, если оно не будет заставлять предпринимателей и бизнес нормально работать? Чтобы платил зарплату в открытую, не в черную, выполнял все стандарты, не обманывал нас, продукцию делал нормальную. Это все государственное дело. Сколько бы общественные организации не организовывались, не проводили демонстрации о том, что вот этот мясокомбинат травит нас тухлой говядиной. Плевать им на мясо. А государство будет присылать прокуратуру, следственные органы. Все будет нормально. Поэтому большая роль в том, чтобы заставить бизнес быть социально ответственными, лежит на государстве. А для этого нужны законы. Нормальные, хорошие законы. Но это вот дискуссионный вопрос, конечно, большой с этой ответственностью бизнеса.

Мы всех желающих исчерпали. Наталья Александровна скажет что-то умное и хорошее. Кто-то еще хочет какие-то вопросы, комментарии?

Наталья Малышева: Мы начали с того, что на форуме вряд ли могут быть какие-то результаты достигнуты, которые реально изменят жизнь. **(нрзб.) (01:18:35)** У нас сейчас есть счастливая возможность, когда собрались единомышленники, которые взаимно дополняют друг друга в своих мнениях. И у нас есть возможность обсудить еще. Поэтому пользуйтесь возможностью.

Мужчина: Я категорически не согласен с тем, что мы собрались вопросы обсудить и так далее. Все-таки надо выработать решения. Хотя бы один пункт или два-три. Но научная общественность должна что-то предлагать. Такое, которое на самом деле полезное, повлияет на жизнь. А не просто посидеть, пообсуждать. На самом деле, это не интересно. И никому не интересно. Может быть, каждому из нас, кто отдельно выступает, что-то интересно. Но если мы даже с этой секцией выйдем и ни одного, два, три, четыре пункта не предложим в проект решения форума, могут ее не принять. Мы должны что-то предложить

конкретное. Иначе бессмысленно собираться. От нас люди ждут решений. Кто должен повести. Государство ничего не сделает. Я знаю лично президента. Хороший человек. Он юрист. Он вообще ничего не понимает. Ему все в уши дуют какие-то ученые, а он занимается каждый день, по 18 часов работает. А ему кто-то дует в уши. Неправильно это. А мы ничего не нарабатываем.

(1:20:09)

Поэтому я просто прошу, чтоб был результат в виде одного-двух пунктов проекта решения, которые выражали бы наше совместное мнение. Можно все перечеркнуть, написать свое, но что-то надо делать.

Михаил Войсков: Все правильно. Действительно надо предлагать, но необязательно все Президенту. Государство – это не только Президент, государство – это еще и законодательная власть и судебная власть. Да, правильно, есть Государственная Дума. Там идет работа. Много очень предложений поступает в Государственную Думу. Наталия Александровна расскажет. Они проходят экспертные советы, потому что это все непросто.

Наталья Малышева: Валентин Петрович сказал то, с чего я начинала. Я обратилась ко всем с тем, что есть такая возможность: по итогам нашего обсуждения, если мы сможем выработать какие-то общие мнения, которые можно было бы рекомендовать Госдуме, чтобы положить их в основу закона, то, конечно, это максимально упрощает дело. Потому что надо понимать, как происходит процедура, процесс формирования законодательства или совершенствование законодательства в Госдуме. Сколько людей, столько и мнений. Мы и призываем вас к тому, чтобы... Поэтому если есть предложения какие-то, которые были сегодня высказаны, с которыми вы согласны, которые вы готовы поддержать, предложить. Моя цель именно в этом и заключается, потому что мы здесь собрались единомышленники. Много из того, что сегодня говорилось, мы многократно обсуждали с Вячеславом Николаевичем, с Валентином Петровичем. Вот вышла пара товарищей, которые здесь были, из Академии наук. В принципе, что-то революционно нового сегодня не было высказано. Все, так или иначе, обсуждается.

Валентин Занин: Ввести в практику оценку мировой критики. Все оценки по паритетам. В экономике должен быть измеритель. Нет измерителя – нет ничего вообще.

Наталья Малышева: Мы с вами на эту тему уже говорили. Я поэтому и обращаюсь ко всем, потому что я лично, как человек, могу быть с чем-то согласна, с чем-то не согласна. Но такова задача, чтобы это было мнение, которое поддерживается экспертами. Мы договорились с руководством «Московского форума» и с Бабкиным Константином Анатольевичем и с Гринберг Русланом Семеновичем о том, если будут получаться какие-то выводы, которые можно будет представить от «Московского экономического форума», они поступают в наш экспертный совет, и мы тут же готовим предложения по совершенствованию законодательства и тут представляем его на рассмотрение Госдумы.

Поэтому ловите миг удачи. В любом случае, хочу сказать огромное спасибо всем, кто сегодня пришел, принял участие в обсуждении, кто выступил, кто дал предложение, кто просто выслушал. Я могу дать своей электронный адрес. И у меня просьба к тем, кто выступил, у кого есть презентации, буду очень благодарна, если сбросите презентации. Если будут какие-то предложения, может, они не сейчас родятся, может, к вечеру или завтра. Но у вас будет мой электронный адрес, у вас есть связь.

Выступает профессор Букреев Виктор Вениаминович.

Виктор Букреев: Добрый вечер, дорогие товарищи. Мы с Эмилем Николаевичем подготовили выступление, которое он озвучил, но я хотел бы добавить в свете того, что сказал наш уважаемый представитель из партии «Справедливая Россия».

Наталья Малышева: Я не член никаких партий. Я – представитель партии «Справедливая Россия». Вопрос не в политической деятельности. Экспертный совет, в его положении записано: он не занимается политической деятельностью. Его задача – максимально профессиональная оценка ситуации, выработка предложений, оценка последствий принимаемых решений. Поэтому я к вам обращаюсь, как к человеку, который отвечает за это (нрзб.) (01:25:08). Не для того, чтобы вести какую-то политическую беседу.

Виктор Букреев: Упаси Бог! Никакую политическую беседу мы здесь не будем проводить. А я исключительно остановлюсь на том предмете, о котором говорил Эмиль Николаевич. Почему я связал это со «Справедливой Россией» и не только с ней. Потому как в своих доктринах и партия КПРФ, и «Справедливая Россия» отстаивают тезис по развитию народных предприятий. Этот тезис мне хотелось бы немножко освежить, поскольку в рамках действующего закона, – а этим занимается у нас законодательное собрание, – развитие этой организационно-правовой формы невозможно.

Почему я останавливаюсь именно на этой организационно-правовой форме? Потому что она и предполагает эти моменты справедливости, социальной справедливости, социальной устойчивости хозяйствующего субъекта, реализовать на практике. Но этого не получится. Не получится, благодаря тому, что сам закон препятствует созданию народных предприятий. Т.е. в рамках действующего закона о приватизации, а приватизация у нас продолжается и развивается, поскольку принят очередной прогнозный план приватизации. В нем нет никаких преференций для работников этих предприятий. В ранних программах приватизации такие моменты существовали. В настоящее время нет.

Поэтому создать народное предприятие, у которого на первичном этапе его создания 49% акций окажется в руках работников, не удастся. Работники могут, доведя этот процент до 75%, как регламентирует закон о народных предприятиях, принимать решения, которые способствуют, в том числе, и социальной устойчивости, и развитию принципов социальной справедливости. Но, к сожалению, это невозможно. Почему можно говорить о том, что

развитие эта форма не получила? Потому что количество народных предприятий у нас со 140 в изначальной фазе принятия закона 115-ФЗ от 1998 года сократилось до 20.

Сейчас делаются попытки создания, так называемого, российского союза народных и коллективных предприятий. Но все равно останавливаются на единственной его организационно-правовой форме – акционерного общества. Почему? Исключив из него некоммерческие организации, государственные муниципальные предприятия, другие хозяйствующие субъекты другой организационно-правовой формы.

Поэтому моя небольшая, краткая ремарка. Этот вопрос можно расширять и говорить о нем долго. Я бы в качестве рекомендации нашему законодательному собранию порекомендовал, если со мной согласятся товарищи, которые здесь присутствуют, поднять этот вопрос и изменить положение закона «О народных предприятиях», таким образом, чтобы спектр участников в этой сфере коллективного хозяйства расширился.

Михаил Войков: Будем уже заканчивать. Я хочу всех и от имени Натальи Александровны поблагодарить за участие. Народные предприятия – вещь хорошая, но это не панацея. Это не спасет всю Россию. А спасет Россию, на мой взгляд, это левый поворот, потому что мы 25 лет развиваемся в правом повороте и уже зашли в такой тупик, что дальше Россия просто не выдержит. Так что, левый поворот в политике, в экономике должен быть моден у каждого. Спасибо большое.

(01:30:01)

Наталья Малышева: Еще раз хочу сказать спасибо большое всем. Будем...

Женщина: У вас есть какие-то решения выхода из проблемы? Можно вашу точку зрения услышать? Очень много было сухой статистики, а есть какие-то конкретные решения?

Наталья Малышева: Это просто долго. Это в двух словах не скажешь. Но постараюсь очень коротко. Если кто-то думает, что есть простые решения, которые «на щелчок» сделать, и это панацея, то этого нет. Проблема гораздо глубже. И она в нас самих, прежде всего. Дело в том, что начиная с системы ценностей, потому что в 1991 году, когда произошел разворот, то мы все, не все, но большая часть людей уповала на рынок. Потом разочаровалась. Потом пришел откат в другую сторону, но эта система ценностей сегодня размыта. Т.е. для того, чтобы выстраивать систему управления, должны быть конкретные цели, программа достижения этих целей – алгоритм. И дальше – управление этим процессом.

Женщина: Просто сейчас рассматривали, в основном, внешнюю политику. А внутреннюю политику не рассматривали.

Наталья Малышева: Я вам скажу про внутреннюю политику. У меня в моей жизни был такой этап, когда мне предложили, и я стала первым заместителем Министра труда и

социального развития РФ. Мы тогда активно работали с Вячеславом Николаевичем. И я пришла на это место в Министерство труда и социального развития с горячим желанием, понимая, что я в стране отвечаю за людей. С горячим желанием сделать все, что я могу. Но, пытаясь ввести эту систему управления, за которую я отвечаю, я столкнулась с тем, например. Говоря о детях. Это был 2003-2004 год. Тогда очень остро стояла проблема с детьми, беспризорными, безнадзорными. И ставя задачу на конференции, на круглом столе, где были маститые эксперты, я говорю о том, что главная наша задача, чтобы каждый ребенок, который даже выпал из семьи, чтобы он оказался в другой, пусть не родной семье, которая бы его воспитывала, которая бы его любила и давала ему дальше жизнь.

Что вы думаете? Находилось много экспертов, которые говорили: «Нет, Наталья Александровна, вы ошибаетесь, потому что вы забыли про опыт Макаренко». Даже в таком, как мне тогда казалось, очевидном вопросе, было большое количество людей, которые считали по-другому. Это вопрос системы ценностей. А это кардинально разные действия: искать, подбирать ребенку семью, именно нужную для этого ребенка, которая по психофизиологическим, по моральным качествам этих людей соответствовала бы этому ребенку, или создавать хорошие условия в детском доме для того, чтобы ребенок был. Это кардинально разные действия. Поэтому система управления начинается с постановки целей.

А мы, какую ни возьми... Вот мы сегодня говорим про здравоохранение. Конечно, я абсолютно убеждена, что на здоровье делать прибыль невозможно. А у нас сегодня вся политика разворачивается. Идет приватизация, идет выталкивание людей в платную медицину, идет приватизация медицинских организаций хоть мытьем, хоть катаньем. Налоги вводятся, их банкротят. Идет просто безобразия под прикрытием. Но, с одной стороны, у нас в Конституции записано, что Россия – социальное государство. Что такое социальное государство? Каждый понимает по себе.

Мы вместе с Вячеславом Николаевичем участвовали в большой работе. Мы сделали социальную доктрину России, где разложили эту систему ценностей. Ведь что такое социальное государство? Описание, что такое социальное государство. Для того чтобы это описание было, нужна огромная работа, которая должна пройти с участием общественных, научных организаций, с тем, чтобы внести туда какие-то коррективы. И вопрос даже не в том, чтобы впихнуть и подписать этот документ. Это будет самое плохое. Самое важное – чтобы люди услышали, поняли и согласились. Потому что если у всех будет понимание, ощущение, что это оптимальный путь, то даже если документов не будет, так и будет.

Женщина: Как сделать так, чтобы у всех было понимание?

Наталья Малышева: Во-первых, это воспитание. На всех уровнях воспитание. Во-вторых, то, что мы здесь сидим и разговариваем на эту тему, это уже какой-то шаг. Надо просто

интересоваться, читать, общаться. А тем, кто занимается, например, я здесь. Дальше, надеюсь, что какие-то шаги с вашей помощью мы сможем сделать.

Реплика из зала: Последние два года российский бюджет – это не бюджет социального государства. Вы прекрасно это знаете.

Наталья Малышева: Не просто знаю, а единственная партия, которая не просто вякала и говорила, что это плохо, а предложила альтернативный бюджет и не просто альтернативный бюджет, как это некоторые делают. Давайте, цена на нефть будет другая, и мы покажем, как лучше. А которые несут в себе структурную экономику, изменения структуры экономики дальнейшей. Это делается. К сожалению, что просто многое не доходит до людей и, зачастую бывая на каких-то мероприятиях и высказывая мнение, и обсуждая, и потом видя репортаж по телевизору, думаешь, а на том ли мероприятии ты был? Потому что то, что показывают с экрана, – это ни сути, ни содержанию не соответствует того, что было. В таких реалиях мы живем. Будем двигаться.

Михаил Войсков: Спасибо всем. Идем кофе пить.

[01:37:07] [Конец записи]